

Чу Цзюань очнулся в полдень следующего дня. Потянувшись в сторону, он нащупал лишь пустоту — простыни давно остыли.

Из-за тонкой занавеси раздался приглушенный голос небожительницы:

— Нэйцзюнь с утра отправился во дворец Линсяо, он велел подогреть лекарство и дожидаться, пока вы проснетесь.

Чу Цзюань отпил глоток, и горечь мгновенно обожгла горло. Он поморщился и отодвинул чашу, но небожительница, едва сдерживая улыбку, осторожно подала ему блюдо с кисло-сладкими сливами:

— Нэйцзюнь узнал, что вам предстоит пить отвар, и приготовил их собственноручно. Если лекарство кажется слишком горьким, попробуйте одну.

Эти сливы были собраны с тысячелетнего дерева из Южного моря, вымочены в особом составе и многократно высушены — вкус у них был отменный. Чу Цзюань на мгновение замер, взял одну ягоду и долго смотрел на нее.

В тот миг небожительнице показалось, что выражение лица Цзюдяня стало совершенно непостижимым.

Сжав сливу в ладони, Чу Цзюань вдруг улыбнулся:

— Сегодня погода хорошая, хочется немного прогуляться.

Сердце небожительницы тревожно екнуло — у нее возникло дурное предчувствие.

Чу Цзюань легко поднялся:

— Не волнуйся, я просто поброжу по двору.

Дворец Бисяо раскинулся на сотни миль, и если действительно задаться целью его осмотреть, на это ушел бы не один день. Небожительница решила, что Цзюдянь, возможно, начал что-то припоминать, и с энтузиазмом принялась рассказывать о красотах сада. Но стоило ей закончить описание дивного тысячелетнего коралла, как она обернулась и обнаружила, что за ее спиной никого нет.

Подул ветерок, и небожительница побледнела, так и не заметив, что в блюде со сливами стало на горсть меньше.

В тумане, окутавшем сад, юноша, похожий на сошедшее с небес божество, в свободных одеждах и с небрежно повязанным поясом, сидел в густой дымке, сохраняя величественный вид... и с аппетитом жевал сливы, попутно угостив парой штук 003.

003, примостившись на плече Чу Цзюаня, вздохнул:

— Невероятно, Се Чэньлу даже на такое способен.

И в гостиной хорош, и на кухне мастер, и Шесть Миров в кулаке держит, и ужин приготовит.

— Просто украл чужое мастерство, — пробормотал Чу Цзюань. В прошлом он так старательно пытался угодить, что даже сливы заготавливал по вкусу Се Чэньлу, но в итоге все равно провалился из-за своей чрезмерной исполнительности. Правду говорят: хочешь жить — умей отлынивать.

Вдали небожительницы, пользуясь случаем, перешептывались:

— Чего только Нэйцзюнь не сделает своими руками, лишь бы никто другой не смел вмешиваться.

— Тише, сейчас не время болтать! Если Нэйцзюнь услышит, вырвет языки и бросит на корм зверям.

Небожительница испугалась и поспешно ретировалась:

— Ладно-ладно, уходим. Говорят, к Нэйцзюню сегодня пожаловал гость, он скоро не вернется.

Чу Цзюань невольно вздохнул. Неудивительно, что все вокруг в один голос твердили, как добр к нему был Се Чэньлу, — их слова звучали так искренне и проникновенно, что он почти поверил в их преданность.

Если бы не его собственная память, он бы и впрямь решил, что сошел с ума. Чтобы так обмануть его, Се Чэньлу пришлось изрядно постараться.

Усердный работник тяжело вздохнул, глядя в небо. Вдалеке туман начал рассеиваться, открывая узкую тропинку. Чу Цзюань доел последнюю сливу, старательно вернул на лицо выражение легкой, меланхоличной печали, подхватил фонарь и ступил на путь.

Тропа оказалась на удивление длинной, петляя сквозь густой туман по законам пяти стихий и восьми триграмм. Без знания пути пройти здесь было невозможно.

В конце тропы показалось полумесячное озеро, через которое был перекинут деревянный мостик. За озером виднелась роща изящного зеленого бамбука, а в глубине — бамбуковый домик, построенный с большим вкусом.

Белоснежный журавль опустился на поляну перед бамбуковой рощей и вскоре принял человеческий облик. Юноша в темных перьях, увидев приближающегося Чу Цзюаня, слегка просиял.

Чу Цзюань крепче сжал ручку фонаря и нахмурился:

— Ты кто?

— Цзыдянь, — журавль с поклоном осторожно ответил: — Я Белый Журавль, пришел забрать кое-какие вещи, оставшиеся от моего господина.

У Чу Цзюаня возникло нехорошее предчувствие:

— Кто твой господин?

Белый Журавль робко взглянул на него и ответил:

— Мой господин — Божество Цинхэн. Цзыдянь, неужели вы забыли?

Имя Цинхэн словно всплыло из глубин памяти. Чу Цзюань тихо повторил:

— Божество Цинхэн, Цинхэн...

Видя его задумчивость, журавль осмелился добавить:

— Триста лет назад вы встретились с моим господином на Земле Бессмертных Болот, вы...

Не успел он закончить, как с небес обрушилась мощная волна духовной энергии. Острая, словно лезвие клинка, она в мгновение ока взбаламутила озеро, обрывая листья бамбука.

Во всем секретном пространстве невидимым остался только Чу Цзюань.

— Вон!

Бедный журавль попытался сопротивляться, но его жалких сил не хватило — он отлетел назад, словно подстреленная птица, и с грохотом проломил стену бамбукового домика.

— Я отозвал право доступа во дворец Бисяо! Если еще раз посмеешь явиться без спроса, я низвергну тебя с Девяти Небес в мир животных!

Журавль выплюнул кровь; под этим ударом он даже не смог удержать облик, и его полуразрушенное крыло беспомощно затрепетало.

— Слушаюсь... Нэйцзюнь, я больше не посмею...

— Вон! — голос Се Чэньлу звучал в ярости. Одним взмахом рукава он вышвырнул журавля за пределы барьера.

Разобравшись с непрошеным гостем, Се Чэньлу медленно и скованно обернулся.

Фонарь в руках Чу Цзюаня погас. Вокруг царил хаос, озеро и бамбук были разбиты, а Чу Цзюань стоял в темноте, молча глядя на него.

Се Чэньлу, только что метавший громы и молнии, внезапно замолчал. Его ладони то сжимались, то разжимались, пока он не решился неуверенно позвать:

— Цзыдянь?

Чу Цзюань прямо посмотрел ему в глаза:

— Ты сказал, что это дом того человека? Почему он живет здесь?

— Ты мне лгал?

Земля Бессмертных Болот.

Парящая гора — вечная обитель древнего божества Цинхэна. У подножия горы расстилались бескрайние равнины, где резвились диковинные звери.

На вершине горы стоял человек, сложив руки за спиной. Несмотря на юношеский облик, в его осанке чувствовалась мудрость того, кто повидал многое.

Вдали показался окровавленный Белый Журавль, и взгляд Цинхэна стал острым.

— Господин, — журавль рухнул на лист лотоса. Если присмотреться, то и здесь, на вершине горы, среди бамбука и озера стоял такой же домик, как во дворце Бисяо.

Цинхэн взмахнул рукой, и поток духовного света вошел в лоб журавля, исцеляя раны. Однако, едва свет коснулся повреждений, их встретила яростная аура меча, и журавль вскрикнул.

Пальцы Цинхэна дрогнули:

— Аура меча... Се Чэньлу ранил тебя? Неужели Истинный Лорд Ишэн не смог его удержать?

Белый Журавль с трудом принял человеческий облик и горестно покачал головой:

— Нэйцзюнь... он был слишком быстр.

Он даже не успел ничего сказать Чу Цзюаню, как его вышвырнули из дворца.

Цинхэн заложил руки за спину, его сердце тревожно сжалось:

— И что он сказал?

— Нэйцзюнь уничтожил мою нефритовую табличку, дающую доступ во дворец Бисяо, — журавль опустил на колени, его голос был полон горечи. — Отныне никто из моих собратьев не сможет туда попасть.

Цинхэн сжал кулаки. В свое время он временно жил в богатом энергией дворце Бисяо, чтобы залечить раны, и его слуги имели право свободного входа. Позже, когда Се Чэньлу в ярости из-за беременности переехал, он думал, что Се Чэньлу, как и прежде, будет бегать за ним...

Изначально он лишь наставлял оленя с зачатками разума, и даже осознавая чувства этого оленя, лишь снисходительно улыбался. Он не был привязан к жизни и смерти, лишь дразнил зверя, желая увидеть, на что тот способен.

Он знал, зачем Се Чэньлу вынашивал дитя — лишь ради того, чтобы вырезать у него сердце и спастись.

Когда он ушел, он думал, что Се Чэньлу погонится за ним, но тот не пришел ни разу.

Позже Се Чэньлу родил сына, а Чу Цзюань погиб. Однажды утром Се Чэньлу прилетел из пустоты с пилюлей, способной исцелить его недуг.

Триста лет Се Чэньлу не покидал пределов дворца, ожидая чего-то. Чего именно — Цинхэн знал прекрасно.

— Ожидания, которые никогда не оправдаются.

Цинхэн сжал ладони. Се Чэньлу знал, что журавль — его слуга, и все равно ранил его из-за Чу Цзюаня. Воздух вокруг Цинхэна исказился от давления:

— А что Чу Цзюань?

Белый Журавль закашлялся:

— Цзыдянь, кажется, действительно ничего не помнит. И это не похоже на притворство...

Он уже несколько раз напоминал Цзыдяню, но тот не реагировал. Раньше при упоминании имени господина в глазах Цзыдяня всегда проскальзывала тоска.

Услышав это, Цинхэн помрачнел.

Неужели он действительно ничего не помнит?

На мгновение он потерял самообладание, но быстро взял себя в руки. Он знал, что Се Чэньлу чувствовал к нему, но к Чу Цзюаню... возможно, лишь вину. В конце концов, тот пожертвовал жизнью ради него. Он думал, что с пробуждением Чу Цзюаня вина Се Чэньлу утихнет.

Но, судя по всему, она лишь усилилась. Цинхэн невольно усмехнулся:

— У Чу Цзюаня отличные методы...

Потеря памяти — вероятно, следствие того несчастного случая. Пока память не вернется, Се Чэньлу будет терзаться виной.

Цинхэн закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Вскоре к нему вбежал испуганный слуга:

— Господин, пожаловал гость из пустоты!

— Что случилось? — Цинхэн резко распахнул глаза.

<http://bllate.org/book/18619/1792529>